

ВЕЛИКАЯ МАТУШКА

ЖИЗНЬ И ПОДВИГ ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИЦЫ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛИЗАВЕТЫ

СЛАВА БОГУ ЗА ВСЁ!*

Колючей поземкой метет февраль. Серая Москва, сумрачная. Чёрными воронами мятутся толпы людей, шарят по подворотням, по дворам. Физиономии у всех какие-то одинаковые: грязно заросшие, глаза выпуклые, хмельные; изжеванные цигарки прилипли к губам.

Звон стекла разбитого — разлетелась зеркальная витрина от запущенного камня. Гогочет ватага оборванцев, несется с гиканьем по улице. Разгулялась бандитская вольница — вылезла из труб, из притонов.

А за белыми легкими стенами обители — чистый, нетоптаный снег, спо-

койный сад, в храме служба идет. На воротах запоров нет; как всегда, торопится в амбулаторию народ...

— Матушка, закройте ворота! Того и гляди лихие люди ворвутся! — встревожена казначея Валентина Гордеева.

Сестры в один голос за ней:

— Матушка, боимся мы, заприте ворота!..

— Цыпляточки вы мои, запрем ворота, а что с приходящими больными будет? Где лекарства им взять? Кто перевязку сделает? Не допустит Господь злодейства. Молитесь да делайте свое дело. И все хорошо будет.

Особенный дар имел отец Митрофан — видел веши сны. Хмурым утром подошел батюшка к настоятельнице.

— Матушка, я так сильно взволнован сегодняшним сном своим, что не могу сразу начать служить литургию. Может, успокоюсь, когда вам расскажу.

В храм сестры на службу сходятся. Отец Митрофан голос до шёпота приглушил:

— Видел я во сне четыре картины — одну за другой. На первой церковь видел, которая горела и рушилась. На второй — вашу сестру Императрицу Александру. Из краев этой рамки стали вырастать ростки, и белые лилии покрыли изображение Императрицы. На третьей картине я видел Архангела Михаила с огненным мечом в руках. А потом увидел преподобного Серафима Саровского — на камне молился он...

— Знаю я значение вашего сна, отец

*Начало см. в №№5, 6/2005, 1, 2, 3/2006.

Митрофан. Сама думаю теперь об этом — и наяву, и во сне...

Скорбны прекрасные глаза Елизаветы Феодоровны: словно с иконы великомученицы глядят.

— В ближайшее время наступят события, от которых сильно пострадает наша Русская Церковь — видели вы ее горящей и гибнущей. На второй картине — портрет моей сестры. Белые лилии на портрете ее — знак того, что жизнь ее будет покрыта славой мученической кончины... Архангел Михаил с огненным мечом: ожидают Россию большие бедствия. Но молящийся на камне преподобный Серафим обещает России особую молитвенную защиту. Не погибнет Россия...

2 марта 1917 года, в четверток Крестопоклонной седмицы, Император Николай II подписал манифест об отречении от Престола. Государь не хотел стать причиной нового кровопролития на Русской земле, истерзанной войной. Власть в стране перешла к Временному правительству.

— Не закрыто тут, входи, ребята!.. — голос хриплый, пропитой. С десяток мужчин двинулись по расчищенным дорожкам обители. — Неплохо устроились сестрички. Сейчас их пуганем...

Лица красные, возбужденные. Сразу видно: разгулялись преступники, дорвались до свободы...

Сестры, как птички испуганные, к дверям храма полетели. Навстречу матушка Елизавета идет.

— Скорей, скорей прячьтесь!.. — ухватили матушку за руки. Она спокойно отстранила сестер, по дорожке пошла к толпе. Мужчина в замызганной, трудно угадать — военной ли? — форме, хромая, рванулся к ней:

— Ишь, какая смелая! Ты кто такая здесь? Что делаешь?

— Людям служу. Здесь мы лечим больных.

— Ну, коли лечите, то и меня полечите!..

Он проковылял за матушкой в амбулаторию. Ухмылялся с недоверием.

Великая матушка усадила его на стул. В паузе мужчины гноилась незаживающая язва. Опустилась перед ним на колени, рану промыла, приложила лекарство, забинтовала. Изумленно глядел он на легкие ловкие руки: никакой боли не причиняли они.

— Приходите завтра на перевязку. Не придетете, может начаться гангрена... — Кто вы такая? — едва слышно проговорил.

— Я здесь, чтобы обслуживать больных. Я настоятельница обители. Мужчина медленно поднялся.

— Простите меня, — и вышел из амбулатории. Дружки его загоготали.

— А мы думали, тебя там ухлопали!..

— Пойдемте скорее, ребята... Здесь живут ангелы...

Ушли, притихшие.

Бегут, журчат ручьи. Снег только клочками в саду — под деревьями, а на солнцепеке кое-где травка пробивается... Мир и покой. Вдруг резанул скрежет у ворот обители — машина тормознула. Да не одна — два грузовика, кузова винтовками ощерились — торчат дула за плечами мужчин. У каждого на груди — алый бант. Приехавшие подняли над головами красные флаги, цигарки не сплюнули, двинулись к храму. Никто шапки не снял, винтовки на солнышке поблескивали.

Некто в кожанке объявил сестрам: отряд прибыл, чтобы арестовать настоятельницу и увезти в тюрьму. А потом ее будут судить как немецкую шпионку.

— А сейчас нам нужно обыскать все здания, чтобы изъять оружие, которое здесь хранится!..

— Ищите везде, — сказала Великая матушка. — Но пусть только пятеро из вас войдут. А мне надо как настоятельнице сделать кое-какие распоряжения и проститься с сестрами.

Матушка Елизавета собрала сестер в храме, попросила отца Митрофана служить молебен.

— Бодритесь, дети. Помните слова Спасителя: «И будете ненавидимы всеми за имя Мое. Терпением вашим спасайте души ваши».

Вышла из храма. Пятеро с винтовками хмуро мялись у дверей.

— Заходите в церковь. Оружие оставьте у входа, — сказала спокойно. Нехотя сняли винтовки, вошли за ней. А за стенами храма гремело в полсотни глоток:

— Весь мир насилия мы разрушим до основания...

На коленях молилась матушка. Кончился молебен. Приложилась к кресту, за ней — сестры.

Пятеро помедлили. Перекрестились. И поцеловали крест.

— Теперь ступайте с отцом Митрофаном, он покажет все помещения. Ищите что хотите... — сказала матушка.

Пятеро долго рыскали по всем углам обители. Никакого оружия не нашли. Объявили своему отряду:

— Это монастырь, и ничего больше.

Грузовики уехали.

Перекрестившись, сказала Великая матушка:

— Видно, мы не достойны еще мученического венца...

Через час-другой снова пожаловали посетители. На этот раз представители Временного правительства. Извинились за утренний «визит» «крайних революционеров», уверяли, что не причастны к этому происшествию. Разговор зашел о беспорядках в городе и в стране.

— Когда же всему этому придет конец? — спросила Елизавета Феодоровна. И услышала: правительство не в состоянии бороться с анархией, и ей безопаснее переехать в Кремль.

— Я выехала из Кремля не с тем, чтобы вновь быть загнанной туда революционной силой, — ответила Великая матушка. — Если вам трудно охранять меня, прошу вас отказаться от этого.

Разговор был закончен.

Но не закончились искушения. Вскоре в обитель прибыл шведский министр. Предложил Великой Княгине помочь покинуть Россию. Кайзер Вильгельм ожидает ее в Германии, готов предоставить Великой Княгине все необходимое — и для жизни, и для благотворительных дел в Пруссии или на ее родине.

— Передайте кайзеру, что родина моя вот уже тридцать три года — Россия. Я не могу оставить обитель и вверенных мне Богом людей!..

Отцвели яблони в обительском саду, сирень откипела волной, истаял жасмин белым душистым облаком.

Тревожно в Москве. Во время беспорядков повредили канализационные трубы. Брюшной тиф косил людей.

— Воду питьевую необходимо кипятить. Овощи и фрукты сырьими есть не будем — только варенными. Надо беречься, — приказала настоятельница.

А сама не убереглась. Провела ночь у постели тяжелобольного. Утром едва добрела до своей кельи.

Неотлучно сидела при ней верная ее келейница сестра Варвара. Стонала в забытье матушка, металась на своем жестком ложе. Доктора велели положить на доски тоненький матрац.

Отец Митрофан служил молебны за здравие рабы Божией Елизаветы, сестры молились за свою Великую матушку.

Медленно выздоравливала она.

Икона Божией Матери «Державной»

«друга»... Многое еще говорила Елизавета Феодоровна. Холодно расстались. Доведется ли увидеться? Когда?

Сестра Варвара неслышно вошла.

— Батюшка Митрофан пришел. Можно к вам?

Кивнула матушка. Чувствует отец Митрофан, как трудно ей сейчас.

Посмотрел внимательно.

— Дело на поправку идет. А почему глаза унылые, о чем думалось? Признайтесь, я батюшка нестрогий.

Покаялась: о мирском думала, о своих родных горевала...

Ничего нового батюшка не сказал, но сказал главное. И отрадно легли на сердце евангельские слова, знаемые, любимые, взбодрили: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, — недостоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, недостоин Меня...»

К августу матушка Елизавета оправилась. Сразу — за дела. Столько их накопилось! Трудно теперь стало доставать продукты и лекарства. Даже самые ходовые — йод, хинин. Не хватало ваты, бинтов. Сестры опасались: не пришло бы на перевязки пускать простыни...

Святая преподобно-мученица Варвара (Яковleva), инокиня Марфо-Мариинской обители милосердия.

Известие новое пришло, тяжкой ношей легло на сердце Великой матушки. По распоряжению Керенского 1 августа 1917 года Царская Семья была перевезена в Тобольск. Не осталось никаких надежд на освобождение. Писала матушка в Тобольск, но письма «застревали» где-то по дороге.

Не запирались ворота обители. Шли и шли люди на Ордынку, кто за чем: одни — полечиться, другие — за лекарством, третьи — за куском хлеба и тарелкой супа. Но все — к Великой матушке за утешением.

Редки нынче радости, да зато духоподъемны! Ликуют, переливаются звоны в Марфо-Мариинской обители: встречают крестовые сестры новоявленную икону Божией Матери «Державную». С торжественным песнопением внесли в Покровский храм, цветами осыпали. Обретена икона в день отречения Государя в подмосковном селе Коломенском. Величественно восседает Царица Небесная на царском троне, восприяв знаки Царей Российских: в красной, словно кровью мученической пропитанной, порфирие, с короной на голове и скипетром и державой в руках. На коленях Пречистой — благославляющий Отрок Христос. Нет у нас Царя, но есть Царица. Это Государь, благоговейно почитающий Божию Матерь, умолил Царицу Небесную взять на Себя Верховную Царскую власть над Русью — Домом Богородицы.

Народ в храме не убывает: ниц падают — в трепете, с мольбой о прощении и помощи России.

Верит Великая матушка: через страдания, кровь и слезы пройдет русский народ, покается и будет прощен. И власть Царская, Самой Царицей Небесной сохраненная, будет Россииозвращена...

25 октября 1917 года пало Временное правительство.

Окаймленные дни пришли, окаймленные ночи настали.

Ветер гнал ржавые листья по улицам и площадям, разевал кумачовые флаги. Словно черепа бесчисленные, блестели мокрые от дождя булыжины московских мостовых.

Вечером в Замоскворечье темным-темно, по ночам вдруг выстрел пальят, крики, топот...

Святейший Патриарх Тихон (Белавин)

Матушка наказала сестрам за ворота не выходить: в городе опасно показываться, да еще в такой одежде: «Большевики Бога хотят отменить».

Но обитель пока не трогали. Новая власть распорядилась даже помогать сестрам: дважды в неделю грузовики подвозили черный хлеб, вяленую рыбу, овощи. В больницу выдавали лекарства и перевязочный материал. Всего понемногу.

Чувствовала Великая матушка: затишье — перед бурей.

После заключения Брест-Литовского мира германское правительство добилось согласия советской власти на выезд Великой Княгини Елизаветы Феодоровны за границу. Посол Германии граф Мирбах дважды пытался увидеться с ней. Елизавета Феодоровна не приняла его и категорически отказалась покинуть Россию.

— Я никому ничего дурного не сделала! Буди воля Господня! — был ее ответ.

— Матушка, вот утренняя почта, — сестра Варвара положила на рабочий стол настоятельницы увесистый пакет. Следила с тревогой, как матушка разрезает плотный конверт.

— Ну, Варенька, задала нам советская власть работу! — матушка высыпала на стол целую кипу бумажек.

— «Анкета», — прочитала Варя. — Что это такое?

— Да вот, приказано всем раздать — и сестрам, и больным, и батюшке, и садовнику — каждому по этому опросному листу, чтоб указали мы свое имя, фамилию, возраст, социальное происхождение. Собери сестер в трапезной, я с ними поговорю.

— А нам как писать: «крестовая сестра»?

— Варенька, ты же из крестьян, так и пиши: крестьянского происхождения...

В своей анкете, легким почерком, летящим наискосок, Великая матушка твердо вывела: «Елизавета Феодоровна Романова. Великая Княгиня».

Заполнили опросные листы, отправили по назначению. Через некоторое время в обитель прибыли «товарищи». Разговаривали коротко, предъявили бумажонку с мутной печатью — ордер на арест. Увезли из больницы несколько человек.

Словно ножом по живому — новость нежданная: власти объявили, что сирот из обительского приюта решено перевести в детский дом.

— Матушка, да за что нам такое? Почему на обитель нашу власти так ополчились? — катятся слезы по щекам келейницы Варвары. — Как мы наших детишек в детдом отдадим? Матушка, я боюсь, за вас боюсь. Как вас мучают...

— Ничего не бойся, родная моя. Это мы не понимаем нашим земным, ограниченным разумением, почему в мире столько страданий, озлобления. Зачем льется кровь невинных? Надо устремить свое сердце, мысли свои к Царству Небесному, чтобы Господь просветил нас Свою благодатью, и мы тогда бы увидели, почему и для чего посылаются нам испытания. Смиренно скажем: «Да будет воля Твоя!..»

Блестят слезы на Вариных глазах. Опустилась вдруг на колени.

— Матушка Елизавета, обещайте мне, что возьмете меня с собой, если что случится с вами! Обещайте, матушка!..

С болью сказала, с решимостью:

— А я вас никогда не покину!

— Варя, голубушка, да я никуда не собираюсь.

— Вы-то не собираетесь, а если вас соберут те, что бумажки с печатями присыпали?

Угадала чуткая сестра Варвара: думала, давно уже думала настоятельница, что придет ее час расстаться с обителью. Горький будет этот час, безжалостный. И готовилась к нему.

Вышла матушка на больничное крыльце. Мужичок завидел ее и поклонился. Это сапожных дел мастер, наведывается к жене в больницу каждый день. Подошел и шёпотом, сжимая картуз, в смущении проговорил:

— Матушка, знаю ваши тревоги. Опасно вам здесь. У моей родни хорошие сани имеются и кони добрые. Перевезем вас в надежное место, пока снег лежит...

— Родной мой, — положила тонкую руку на его плечо, — сани-то ваши хороши, но не могут они вместить всех сестер. Не могу я уехать, не могу бросить сестер на произвол судьбы!..

Смотрит Великая матушка в добре лицо мужичка. Смушенный стоит, словно один он и виноват, что разгулялась на Руси злая сила.

— Спасибо тебе, добрый человек, — улыбнулась и тихо пошла к своей келье.

«Вот она, Русь Святая. Нет, не должна она погибнуть», — легко вздохнула.

Синяя — великопостная — лампадка мерцает в молельной матушкиной комнате перед большим образом преподобного Серафима. Еще один день прошел — слава Богу за все! Слава Богу, не заходили в обитель «товарищи» в кожанках и с винтовками, сестры немного успокоились после потрясения: ведь на их глазах выводили арестованных больных... Скоро Пасха... Затепляются пасхальные — алые — лампадки, звон поплынет над Москвой из всех сорока сороков... Да поплынет ли? Отец Митрофан слышал, что новым властям колокольный звон не по нутру: дескать, отвлекает трудящихся от созидательного труда.

Молится Великая матушка на коленях, с поклонами земными. Господи, не дай унынию коснуться души ее! Слез матушкиных не видит никто. Только батюшке Митрофану, духовному отцу своему, раскрывает, как плачается не о себе — о своих «цыпляточках». Они без нее шагу ступить не хотят — все прибегают к ней, по делам мало-мальским.

Зашел дать благословение отец Митрофан.

Где-то в Замоскворечье хлопнул выстрел. Залаяли собаки неподалеку, и долго не унималась одна — выла и лаяла, и снова выла...

— Жаль Россию, жаль детей ее: не ведают, что творят, — подошла матушка к окну. Черное небо, ни звездочки на нем. Занавески плотнее задернула. В белой приемной светло и уютно. На столе в кувшине веточки распускаются, клейкие зеленые листочки.

— Больна Россия, больны дети ее. Но разве больного, страдающего ребенка можно любить меньше, потому что он болен? — слова ее тихие, точно не отцу Митрофану говорит Великая матушка, а Тому, Кто слышит каждое слово твое.

— Матушка Елизавета, да разве мало вы для людей делаете и делали?

— Много зла сейчас творится. Давеча сестра Варвара меня спрашивала: почему? Прежней России уже нет. Но Господь в Библии показывает, как Он прощал Свой раскаявшийся народ и даровал ему благословенную силу... — Вот вам, отец Митрофан, с благодарностью, — Великая матушка протянула Евангелие.

«Елизавета. Память совместных трудов», — прочитал батюшка надпись на книге. — Вы точно прощаешься со мной... Не рано ли собрались?

Оказалось: не рано.

Впервые за многие-многие годы, на всенощной, встала Великая матушка на клирос вместе с сестрами и запела — голосом дивным, словно прощалась в эти дни Страстной седмицы со всем, что любила в этом мире...

Ликуют-заливаются «ростовским звоном» колокола обители Милосердия. Третий день Пасхи — празднование памяти Иверской иконы Божией Матери — принес радость особую: к сестрам приехал Святейший Патриарх Тихон. Отслужил Божественную литургию и молебен. После службы до четырех часов патриарх беседовал с настоятельницей и сестрами, благословил всех.

Патриарх уехал. Через полчаса в воротах обители раздался резкий звонок. Вошел комиссар и несколько красноармейцев-латышей. Комиссар приказал настоятельнице немедленно ехать с ними.

— Дайте мне два часа, чтобы сделать необходимые распоряжения в обители, назначить заместительницу и попрощаться со всеми наследницами.

— Хватит и тридцати минут, — оборвал чекист.

А к матушке уже бежали сестры, с плачем, с рыданиями. Она собрала всех в больничной церкви. Поблагодарила за верную и самоотверженную работу. Просила отца Митрофана не оставлять обители, служить, пока будет возможным. Все молились вместе с отцом Митрофаном. Когда стали Великую матушку уводить, сестры кинулись к ней, вцепились: «Не отдадим матер!» Отец Митрофан стоял на ступенях храма: слезы по лицу текут, а он благословляет и благословляется...

В неведомый путь с Великой матушкой отправились верная келейница Варвара Яковleva и молоденькая сестра Екатерина Янышева.

Узнав о случившемся, Святейший Патриарх Тихон пытался добиться освобождения Великой матушки. Но усилия Святейшего оказались напрасными. У большевиков были свои планы.

(Окончание следует.)